

УДК 821.161.1

М. Н. Коннова

**АКСИОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВ
В СТИХОТВОРЕНИИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА
«КОГДА РАЗГУЛЯЕТСЯ»**

Анализируются хронотопические ценности (М. М. Бахтин) в стихотворении Б. Л. Пастернака «Когда разгуляется» (1956) и его английском переводе, выполненном Л. Л. Пастернак-Слейтер («When it clears up»). Выявляется доминанта смысловой структуры текста – образ праздника, во вневременном пространстве которого приоткрывается

реальность иного, горнего мира – вечности. В английском переводе, при всей его красоте и гармоничности, конкретизация приводит к тому, что глубинные аксиологические смыслы образов пространства и времени ускользают.

This article focuses upon the 'time' and 'space' concepts in Boris Pasternak's poem "When it Clears up" (1956) and its English translation by Lydia Pasternak-Slater. Special emphasis is laid upon the significance of the 'holiday' concept for the structural unity of the poem. In the atemporal dimension of a 'holiday,' visible images of the natural world become symbolic representations of the invisible. In the English translation, the overt concreteness of some of the poetic images results in the partial loss of the text's axiological potential.

Ключевые слова: время, пространство, аксиология, перевод, Б. Пастернак.

Key words: time, space, axiology, translation, B. Pasternak.

Время и пространство, фундаментальные определители бытия, задают исходные ориентации, на основе которых строится художественная картина мира – отражение ценностного видения автором действительности (ср.: [3, с. 136]). Литература пронизана «хронотопическими ценностями» разных степеней и объемов. Каждый мотив, каждый выделяемый момент художественного произведения является такой ценностью» [1, с. 177].

Изучение аксиологии художественного времени представляет собой одну из актуальных задач современной когнитивной науки (см., в частности [6; 12; 13]). Целью настоящей статьи является исследование аксиологии пространственно-временных образов в стихотворении Б.Л. Пастернака «Когда разгуляется» (1956) [19, с. 466] и его английском переводе, выполненном Л.Л. Пастернак-Слейтер («When it clears up») [28]. В этом стихотворении, давшем название последней, итоговой поэтической книге, находит свое выражение христианское мировидение Б.Л. Пастернака как глубинное основание всего его творчества (ср.: [15, с. 79]).

Заглавие стихотворения «Когда разгуляется» представляет собой «свободное придаточное времени/условия» и, «будучи открытым формально и семантически, размыкается в будущее» [15, с. 71]. Энергоцентричный характер возвратной глагольной формы «разгуляется», оттеняющей неконтролируемость, спонтанность действия [22, с. 87–90], указывает на непостижимость, над-мирность грядущего. Ценностное наполнение глагола «разгуляться» в идиостиле Б.Л. Пастернака раскрывается в сопоставлении с предельно высоким контекстом употребления синонимичного глагола «распогодиться» в заключительной строфе стихотворения «На Страстной» (1946, цикл «Стихотворения Юрия Живаго»): «Но в полночь смолкнут тварь и плоть, // Заслышав слух весенний, // Что только-только распогодь // Смерть можно будет побороть // Усильем воскресенья» [19, с. 419].

По мысли А.Д. Синявского, «Воскресение Христово... присутствует в стихах как высшая тема Пастернака, хотя она... и не реализована полностью в образах и словах» [27, с. 426]. Проследим, как постепенно раскрывается эта «высшая тема» в стихотворении «Когда разгуляется».

В содержательной ткани начальной строфы прикровенно звучит мотив ожидания: «Большое озеро, как блюдо // За ним – скопление облаков, // Нагроможденных белой грудой // Суровых горных ледников». Непредикативный характер строфы оттеняет неопределенность времени. Сравнение «большое озеро как блюдо» привносит ассоциации с неподвижной плоскостью замкнутого пространства; синонимичные метафоры «скопление облаков», «нагроможденных... грудой» указывают на отсутствие солнца и широкой перспективы. В английском же тексте при замене цветового определения «белый» («белых облаков») прилагательным световой семантики «dazzling» («ослепительный») вводится не свойственный оригиналу мотив яркого света.

Во второй строфе мотив ожидания усиливается: «По мере смены освещения // И лес меняет колорит. // То весь горит, то черной тенью // Насевшей копоти покрыт». Однородные личные формы настоящего времени «меняет», «горит» подчеркивают стремительность перемен в природе, связанных с появлением солнечного света («освещения») и рождаемого им цвета («колорит»). Оксюморонное соположение контрастных метафор «лес... горит», «черной тенью насевшей копоти покрыт» создает образ великопостной поры – «весны черной» (подробнее см.: [6]).

В английском варианте замена метафоры «меняет колорит» генерализацией «never stays the same» (букв. «никогда не остается прежним») и опущение хроматического определения «черной [тенью]» приводит к утрате цветовой символики. Ключевым становится контраст темноты и света: «clad in sooty shadows» (букв. «покрыты тенями цвета сажи»), «are all aflame» (букв. «все горят»).

Третья строфа наполнена иными смыслами. В ней предстает во всей внезапности образ преображенного мира – нового неба и новой земли: «Когда в исходе дней дождливых // Меж туч проглянет синева // Как небо празднично в прорывах, // Как торжества полна трава!»

Именной оборот «в исходе» совмещает в своем значении указание на «завершение, конец» одного этапа [17, с. 251] и мысль о переходе к другому [7, т. 2, с. 64]. В контексте Священного Писания слово *Исход*, название второй библейской книги пророка Моисея [Там же], синонимично имени *Пасха* (евр. *phesach* – «переход»). Праздник ветхозаветной Пасхи как воспоминание об освобождении из египетского рабства является прообразом Пасхи новозаветной – Воскресения Христова как перехода «от смерти к жизни, и от земли к небу» [9, с. 409–410]. «Наша таинственная *Пасха исхода*, – писал святитель Филарет, – будучи событием древних прообразований, сама есть токмо новое пророчество и ожидание торжественной Пасхи входа... в вечность» [25, с. 143]. Таким образом, в контексте стихотворения обстоятельственная конструкция «в исходе» имплицитно намечает грань между двумя темпоральными планами – временем Великого Поста и праздником Пасхи.

В образах преображенной природы третьей строфы сквозит «предчувствие Воскресной весны» [26, с. 125]. Глагол *проглянуть* («меж туч проглянет синева») и отглагольное существительное «прорыв» («небо празднично в прорывах»), объединенные общей приставкой «сквозной» семантики *про-* [17, с. 593], подчеркивают мысль о моментальности, о «точечном переходе к новому качеству» [23, с. 79].

Третий и четвертый стихи строфы созвучны пасхальным церковным песнопениям, которые Б.Л. Пастернак хорошо знал и красотой которых восхищался [20, с. 627]. Двойное восклицание «Как небо празднично в прорывах, // Как торжества полна трава!» содержательно (синонимическим повтором «празднично» — «торжества полна»), мелодически (аллитерацией «празднично в прорывах», «торжества... трава») и структурно (синтаксическим параллелизмом) сближается со словами пасхального канона: «Праздников праздник, и торжество есть торжество» [8-я песнь, ирмос; 21, с. 21]. Весна становится в стихотворении символом, «знамением» всеобщего будущего воскресения [24, с. 231–233].

В английском переводе внезапность новизны, передаваемая причастной формой «burst» («to burst» — «разрываться, лопаться»), усиливается пространственным прилагательным «open» («открытый»), что в совокупности создает образ «распахнутого» праздничного неба («How festive is the sky // Burst open»). Лексема «triumph» («торжество») вносит в эту картину ликующей природы дополнительный оттенок победы («How full of triumph of is the lawn»). Отчасти утраченной оказывается, однако, темпоральная символика начала строфы: нейтральный союз последовательности «after» («после») не передает глубинных иносказательных смыслов синкретичной конструкции «в исходе». Несколько смещена и пространственная образность строфы: перевод слова «трава» гиперонимом «lawn» («лужайка, газон») сужает пространственную перспективу строфы до близкого круга «своего», «человеческого» мира.

Торжественно-ликующее звучание третьей строфы сменяется светлой мирной тишиной четвертой: «Стихает ветер, даль расчистив, // Разлито солнце по земле...» Картина залитой солнцем *дали* приходит на смену замкнутости холодного пространства первой строфы. Приставочная форма «расчистив» оттеняет «неоглядность» [19, с. 410], широту мира. Глагольная форма «разлито» генетически близка церковнославянскому глаголу «излияти», многократно употребляемому в гимнографии пасхального цикла праздников. Она иносказательно указывает на творческую силу Божию, входящую в мир с воскресением Христа — «Солнца правды» [21, с. 17] и обновляющую всю вселенную в день Святой Троицы (подробнее см.: [13]).

В английском варианте существительное «sunshine» («солнечный свет») придает тексту беззаботно-радостное звучание, не выражая, однако, предельно высокого переносного значения слова «солнце». Глубоко символический глагол «водной» семантики «разливаться» переводится посредством нейтрально-констатирующей лексики «to spread» (букв. «распространяться»). Многозначное слово «земля» заменяется метонимически смежным, но более конкретным существительным «grass» («трава»). Происходящая при этом утрата отдельных аксиологических смыслов ограничивает темпорально-бытийную перспективу строфы.

В третьем и четвертом стихах — «Просвечивает зелень листьев, // Как живопись в цветном стекле» — сравнение «как живопись в цветном стекле» привносит в смысловую ткань стихотворения оттенок тайны. Выполняя дейктическую функцию соотнесения содержания строфы с концом апреля — началом мая, когда в тонкой ткани листьев только угадывается живой рисунок («живопись»), это сравнение помещает видимый мир природы «в рамку иного мира» [5, с. 92].

При переводе на английский язык обобщенное «живопись» заменяется контекстуальным гипонимом «figures» (букв. «изображения»). Генетически связанное с идеей творчества (лат. figurare – «формировать, лепить»), это существительное придает образу весенней листвы едва уловимый оттенок искусственности, рукотворности.

В пятой строфе, являющей собой структурно-семантическое завершение четвертой, приоткрывается тайна присутствия в земном мире реальности небесной: «В церковной росписи оконниц // Так в вечность смотрят изнутри // В мерцающих венцах бессонниц // Святые, схимники, цари». Наречие тождества «так» оттеняет глубинное значение образов весенней природы четвертой строфы. Видимое («*Просвечивает зелень листьев...*», 4-я строфа) символизирует невидимое («*Так в вечность смотрят изнутри...* // Святые, схимники, цари», 5-я строфа). Эта взаимосвязь подчеркивается глаголом «просвечивает», возвратная форма совершенного вида которого (просветиться) отличается предельно высокой ценностной отнесенностью: «Тогда праведницы *просветятся* яко солнце в Царствии Отца их» (Мф. 13: 43).

Слова-символы «святые, схимники, цари» высвечивают сугубо личную природу высшей одухотворенной действительности. Существительное «святые» собирательно называет здесь тех, кто в земной жизни стяжал Духа Святого и стал «начатком будущего всеобщего и полного освящения» [18, с. 19]. Слово «схимники», обозначающее тех, кто «дал особые обеты в... достижении идеала христианской святости», подчеркивает светлую «инаковость» святых, которые «в мире, но не от мира» [Там же, с. 14–15]. Синкретичная лексема «цари», указывая на царей земных, в самом временном служении своем приблизившихся к святости, иносказательно именует всех уверовавших во Христа как избранных для вечности Царства Небесного [9, с. 423].

Метафора «мерцающие венцы бессонниц», обозначающая «нимб, ореол» в изображении святых («в церковной росписи»), имплицитно указывает на преодоление «вечного сна», смерти [7, т. 4, с. 270]. Сближаясь своим аксиологическим наполнением с устойчивыми сочетаниями «венеч жизни» («бессмертие»), «венеч живота» («Царство Небесное») [10, с. 114], она становится в контексте стихотворения символом совершившейся в Воскресении Христовом победы жизни над смертью.

В английском переводе первый стих пятой строфы – «Thus from the church's narrow windows» – вводит образ традиционного для западноевропейской архитектурной традиции стрельчатого («narrow», букв. «узкого») окна, тем самым приближая текст к восприятию англоязычного читателя. Меняется при переводе и заключительный стих строфы, где в едином ряду предстают различные чины святых («saints»): «hermits» («отшельники»), «prophets» («пророки»), «angels» («ангелы»), «kings» («короли, цари»). В результате ускользает глубоко символическая троичность строения русскоязычного текста («святые, схимники, цари»).

Наиболее существенные семантические сдвиги затрагивают временную образность строфы: замена существительного «вечность» («*Так в вечность смотрят изнутри...*») антонимом «time» («время») изменяет ее

темпоральную структуру. «Из узких храмовых окон» («from the church's narrow windows») святые «пристально вглядываются во время» («gaze into time»), метонимически обозначающее пространство земного бытия. Существительное «vigil», восходящее к многозначному латинскому «vigilia» («ночное богослужение; неусыпные заботы; бессонница»), сочетает смысловые компоненты бодрствования, попечения и молитвы, подчеркивая взаимосвязь дольнего и горнего. Тем самым усиливается мотив тесной связи между двумя мирами, земным и небесным.

В шестой строфе пространственно-временные образы приобретают предельно высокую ценностную отнесенность: «Как будто внутренность собора — // Простор земли, и чрез окно // Далекий отголосок хора // Мне слышать иногда дано». Многозначное слово «собор» («собрание; храм, на службу Божию посвященный» [9, с. 627]) высвечивает мысль об освященной природе земного бытия. Метафора «окна» продолжает мотив проникновения *в иное*, намеченный в третьей («[небо празднично] *в прорывах*»), четвертой («*просвечивает... в цветном стекле*») и пятой («[в церковной росписи] *оконниц*») строфах стихотворения.

Многозначная метафора «Далекий отголосок хора // Мне слышать иногда дано» иносказательно подчеркивает возможность соприкосновения времени и вечности [2; 16, с. 159–160]. Имплицируемая словом «хор» мысль о стройной гармонии одухотворенного пения высвечивает торжествующе-радостный характер этой иной, надмирной реальности. Пассивная конструкция «мне слышать... дано» подразумевает того, кто дает, или кем дается. Бог остается здесь, по словам М.Л. Гаспарова, «благоговеино неназванным» [5, с. 92].

Синкретичное наречие «иногда», указывая на повторяемость события («порою» [7, т. 2, с. 45]), сохраняет вместе с тем генетическую связь с прилагательным «иной» («иногда» — «в *иное* время» [Там же]). В контексте стихотворения наречие «иногда» указывает на иное, особое — праздничное — время, которое, по мысли Г.-Г. Гадамера, останавливает обычное время [4, с. 311].

В английском варианте шестой строфы — «The whole wide world is a cathedral» — эмфатическое пространственное словосочетание «the whole wide world» (букв. «вся широта мира») оттеняет мысль о величии мироздания; синкретичный модальный союз-частица «как будто» при этом опускается, в результате чего ускользает присущий оригиналу оттенок некоей тайны. Лексема «cathedral» привносит ассоциации с торжественным богослужением (от лат. cathedra — «епископская кафедра»), но не передает идеи всеобщности и единства, лежащей в основе отлагольного существительного «собор» (ср. соборне — «вместе, совокупно, во множестве» [9, с. 627]).

Дополнительная конкретизация при переводе второго стиха — «I stand inside, the air is calm» (букв. «Я стою внутри, воздух тих») — ограничивает смысловое пространство стихотворения рамками «малого» мира отдельного человека. Утрачивается и слово-символ «окно». Заменяющее его наречие «afar» («издалека») не раскрывает мысли об устремленности вовне и ввысь. Темпоральное наречие «at times» («временами»), приходящее на смену многозначному «иногда», указывает на обычную повторяемость события.

В кульминационной седьмой строфе звучит мотив благоговейного предстояния человека и всей вселенной в «едином и вечном... словословии» [16, с. 160]: «Природа, мир, тайник вселенной // Я службу долгую твою // Объятый дрожью сокровенной, // В слезах от счастья отстою». Человек предстает здесь «на грани» двух миров — физического и духовного, «соединяясь с одним своим видимым телом и восходя к другому через свой невидимый бессмертный дух» [16, с. 202].

Образ служения природы Творцу, впервые намеченный в посвященном Троицному дню стихотворении «Воробьевы горы» («Дальше служат сосны. <...> Дальше воскресень» [19, с. 95], 1917), приобретает здесь необычайную широту. В служении (*службе*) Творцу участвует все мироздание — мир видимый («природа») и невидимый («тайник вселенной»). Отчетливая адресованность строфы [11, с. 113] свидетельствует «о расширенных масштабах восприятия вообще, о необычном диапазоне видения и о необычно глубокой связи поэта с миром» [11, с. 100].

В английском переводе — «World, Nature, Universe's essence» (букв. «Мир, природа, сущность вселенной») — единство мироздания оттеняется внутренней формой лексемы «universe» («мир», от лат. universus — «всеобщий, целый, полный»). Существительное «essence» («суть») подчеркивает центральное значение земного мира («world») для бытия всей вселенной. Вместе с тем добавление эпитета «moving [service]» («трогательная [служба]») привносит чуждый оригиналу оттенок сентиментальности.

Эмфатически выделенная в конце строфы глагольная форма «отстою» («В слезах от счастья отстою») указывает на слияние планов настоящего и будущего: выражаемое действие «как бы исходит из настоящего времени, простираясь в будущее в завершительных моментах процесса, в его результате» [23, с. 164]. Открытое завершение, свидетельствующее о конечном преодолении временных и пространственных границ, высвечивает символические смыслы названия всего стихотворения.

Обращенная своей семантикой в будущее темпоральная конструкция «Когда разгуляется» указывает на тот таинственный миг последнего свершения времен, когда в открывающейся вечности «вся совокупность мироздания войдет в полное единение с Богом» [14, с. 305]. В этой ценностной устремленности поэтическое творчество Б.Л. Пастернака созвучно всей русской литературной традиции; ср., в частности, завершение оды Г.Р. Державина «Бог» (1784): «...слабым смертным невозможно // Тебя ничем иным почтить, // Как им к Тебе лишь возвышаться, // В безмерной радости теряться // И — благодарны слезы лить» [8, с. 39].

Исследование «хронотопических ценностей» (М.М. Бахтин) в стихотворении Б.Л. Пастернака «Когда разгуляется» показало, что доминантой смысловой структуры текста является образ всеобъемлющего пасхального торжества. Во вневременном пространстве праздника приоткрывается «подлинная и пребывающая» [2, с. 56] реальность иного бытия — «вечная весна богозданного мира» [26, с. 125]. В английском

переводе Л.Л. Пастернак-Слейтер, при всей его красоте и гармоничности, излишняя конкретизация не оставляет возможности для символического прочтения стихотворного текста, в результате чего глубинные аксиологические смыслы пространственных и временных лексем, укорененные в многовековой русской культурной традиции, ускользают.

Список литературы

1. Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа в романе* // Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб., 2000. С. 9–193.
2. Бердяев Н.А. *О небесной истории. Время и вечность* // Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 49–66.
3. Вендина Т.И. *Пространство и время как параметры дискретизации макрокосма* // Славянские этюды. М., 1999. С. 136–140.
4. Гадамер Г.-Г. *Актуальность прекрасного* / пер. с нем. М., 1991.
5. Гаспаров М.Л., Подгаецкая И.Ю. «Сестра моя – жизнь» Бориса Пастернака. Сверка понимания. М., 2008.
6. Грешных В.И., Коннова М.Н. «Февраль» Б. Пастернака: образ времени (оригинал и перевод на английский) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 8. С. 128–132.
7. Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка* : в 4 т. М., 1956.
8. *Духовная поэзия*. Воронеж, 1990.
9. Дьяченко Григорий, *свящ.* Полный церковно-славянский словарь. М., 2007.
10. Клименко Л.П. *Словарь переносных, образных и символических употреблений слов в Псалтири*. Н. Новгород, 2008.
11. Ковтунова И.И. *Поэтический синтаксис*. М., 1986.
12. Коннова М.Н. *Аксиология времени в стихотворении Б.Л. Пастернака «Неоглядность»* // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 8. С. 130–133.
13. Коннова М.Н. *Символика временного и вечного в стихотворении Б.Л. Пастернака «Воробьевы горы»* // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 8. С. 111–116.
14. Лосский В.Н. *Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие*. Киев, 2004.
15. Малеваная Д. *Книга стихов Б. Пастернака «Когда разгуляется»: итог творческого пути* // Балтийский филологический курьер. 2009. №7. С. 70–82.
16. Мечев Сергей, *священномученик*. Тайны богослужения. М., 2001.
17. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*. М., 1995.
18. Осипов А.И. *Святые как знак исполнения Божия обетования человеку* // Русское возрождение. 1995. №62. С. 9–32.
19. Пастернак Б.Л. *Избранное* : в 2 т. СПб., 1998. Т. 2.
20. Пастернак Е. Б. *Борис Пастернак. Биография*. М., 1997.
21. *Пасха Христова*. М., 2013.
22. Петрухина Е.В. *Концептуальный анализ языка и семантические доминанты языковой картины мира* // Концептуальный анализ языка: современные направления следования. М. ; Калуга, 2007. С. 80–94.
23. Петрухина Е.В. *Русский глагол: категории вида и времени*. М., 2009.
24. *Святитель Тихон Задонский. Сокровище духовное, от мира собираемое*. Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, 2010.
25. *Святитель Филарет, митрополит Московский. Творения. Слова и речи* : в 5 т. Т. 1 : 1803–1821. М., 2003.

26. Флоровский Г., протоиерей. Пути русского богословия. Репринтное издание. Париж, 1937 ; Вильнюс, 1991.

27. *Pasternak B.* 1890—1960. Colloque de Cerisy-la-Salle. Paris, 1979.

28. *Friends & Partners: Linking US – Russia Across the Internet* : [сайт]. URL: <http://www.friends-partners.org/friends/literature/19century/pasternak/whenit.htm> (дата обращения: 20.02.2013).

Об авторе

Мария Николаевна Коннова — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: maria.konnova@rambler.ru

About the author

Dr Maria Konnova, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: maria.konnova@rambler.ru